

БОЛЬШОЙ
РОМАН

БЕРНХАРД
ШЛИНК

*Цвета
расставаний*

Рассказы

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Ш 69

Bernhard Schlink
ABSCHIEDSFARBEN
Copyright © 2020 by Diogenes Verlag AG, Zurich
All rights reserved

Перевод с немецкого Герберта Ноткина

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Шлинк Б.

Ш 69 Цвета расставаний : рассказы / Бернхард Шлинк ; пер. с нем. Г. Ноткина. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 320 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-18817-4

Впервые на русском — новый сборник рассказов от автора романов «Чтец», «Женщина на лестнице» и «Ольга». Девять изящных историй о любви и дружбе, семье и одиночестве, о старении и счастье. Герои этих рассказов очень разные, и каждый вынужден пережить свое собственное расставание: один расстается с невинностью, другой — с надеждой, третий — с иллюзиями и страхами. Однако главная тема всех рассказов, да и всего творчества Шлинка, начиная с прославленного «Чтеца», — это невозможность расставания с собственным прошлым.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)-44

© Г. Б. Ноткин, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-18817-4

*Искусственный
интеллект*

1

Они мертвы — женщины, которых я любил, друзья, брат и сестра и, помимо них, родители, тетки и дядья. Много лет назад я ходил на похороны часто, потому что тогда умирало предшествующее мне поколение, потом — редко, а в последние годы — снова часто, потому что умирает мое поколение.

Я долго считал, что похороны помогают расстаться с умершими. Расстаться нужно: осознание того, что человек умер, остается тревожащим, пока свершившееся расставание не поможет обрести покой ему и тебе самому. Но похороны не помогают. Похороны убеждают близких в значении умершего и выделяют каждому малую толику этого значения. Похороны убеждают скорбящих в достоинстве ритуала, ради которого жертвуют двумя или тремя часами, во время которого смотрят скорбящие и смотрят на скорбящих, отдают последние почести умершему и выражают соболезнования близким; похороны придают некоторое достоинство и скорбящим. Но расстаться с умершими похороны не помогают.

Помогает присутствие при умирании. Даже то, что я пришел к отцу, когда он уже умер, но еще лежал на кровати и им еще не занялись агенты похоронного бюро, — помогло. Ему не закрыли глаза и рот; и эта картина — отчаянно распахнутые в смертельном ужасе глаза и оскаленные зубы — врезалась мне в память. Он был мертв. И когда покойник обряжен, лежит в гробу на возвышении и кажется уже пластмассовым, а не из плоти и крови, — даже и тогда его смерть говорит так ясно, что ты понимаешь: нужно с ним расстаться.

Но то, что ты это понимаешь, еще не различает. Разлучает только время. И вот что странно: чем меньше ты соприкасался с человеком в годы, предшествовавшие его смерти, тем дольше длится расставание с ним, а чем больше соприкасался, тем оно быстрее заканчивается. Я слегка приятельствовал с моим соседом; время от времени мы сходились за стаканчиком вина: летом он меня приглашал на свой балкон, зимой я его — к моему камину, и поскольку по утрам мы выходили из дома в одно время (он — в пекарню, а я — к газетному киоску), то мы почти ежедневно встречались на лестничной площадке. Именно поэтому, когда он умер, я через пару дней ясно осознал, что эти встречи и приглашения — в прошлом и что он мертв. Я расстался с ним, и хотя все еще был печален, но это была спокойная печаль — боль после свершившегося прощания, прощальная боль.

Искусственный интеллект

Совсем иначе было, когда умерла моя бывшая жена. Она со своим вторым мужем уехала в Чехию и осталась там после его смерти. Мы сохраняли дружеские отношения и дважды в год встречались, весной — там, а осенью — здесь, и после ее смерти мне долго представлялось, что она по-прежнему живет, только где-то еще дальше. Она умерла в апреле, через несколько недель после моего посещения, и в последующие месяцы она присутствовала в моей жизни — или не присутствовала в моей жизни — так же, как в предшествующие годы. Я по-прежнему временами думал о ней, вспоминал что-то из нашей с ней жизни, что она сделала или сказала, замечал себе что-то, что надо будет рассказать ей в октябре, когда она приедет ко мне, и даже мысленно рассказывал ей это, и при этом так явственно видел ее перед собой, что рядом с этим осознание ее смерти оставалось абстрактным. Только зимой я понял, что нужно уже с ней расстаться, и только в апреле следующего года я с ней расстался. И после этого долгого расставания я еще долго был печален, — собственно, совсем печаль эта так и не прошла, и она никогда не пройдет совсем.

2

С моим другом Андреасом я вообще не хотел расставаться. И его в годы, предшествовавшие его смерти, я видел редко; выйдя на пенсию, он переехал, снял маленькую квартирку в Баварии, где жил его сын Томас, а я остался в Берлине. Иногда мы путешествовали по Баварии, порой в Берлине выдавалась насыщенная концертная и оперная программа — или мы встречались на полпути: на докфесте в Касселе либо на Байрёйтском фестивале. Эти совместно проведенные дни всегда проходили прекрасно, живо, доверительно. Мы же друзья детства.

Но после своей смерти он присутствовал в моей жизни — или не присутствовал в моей жизни — так же, как до нее; и с ним тоже я продолжал диалог, словно нужно было только переждать какое-то время до нашей новой встречи. И если при жизни Андреаса я боялся, что наша дружба может вдруг оказаться под угрозой из-за какого-то обвинения, то диалог с мертвым Андреасом был безопасным. Мне уже не нужно было бояться никакой неожидан-

Искусственный интеллект

ности, никакого изобличения, обличения. Мы снова были детьми, и я только желал, чтобы в этом состоянии невинности наша дружба продолжалась и продолжалась.

Не потому, что она не выдержала бы этого обвинения изобличенного. То, что я в свое время сделал и чем не приходится гордиться, чего я даже стыжусь — или чего я не должен стыдиться, потому что то, что я сделал, было лишь нечто человеческое, но мне бы все же хотелось, чтобы я этого не сделал, — Андреас бы это понял и простил мне и даже, может быть, сказал бы, что тут и прощать нечего, и что некоторые вещи просто так неудачно складываются в жизни, и что я всего лишь такая же жертва, как и он. Собственно, я уверен, что Андреас так бы сказал, обнял бы меня за плечи, и если бы мы где-нибудь шли, то какое-то время мы бы так и шли, ничего больше не говоря, и он бы обнимал меня за плечи, а потом он бы засмеялся, понимающе и дружески, и заговорил о чем-нибудь другом.

Почему я боялся изобличения, хотя его не должно было произойти? И не проще ли всего было рассказать Андреасу, что тогда случилось? Я каждый раз собирался это сделать. Но когда мы оказывались вместе, все это казалось слишком неуместным, слишком давним, не подходящим к нашему настроению или к нашему разговору, и не было никакой разумной причины начинать это вот именно теперь. При прошлой встрече я этого не начинал, и я вполне могу на-

Бернхард Шлинк

чать это при следующей — так почему именно теперь? Так проходили годы, и почему я боялся, хотя не должен был бы, я не знаю. Потому что Андреас, может быть, все-таки не понял бы? Но я понимал, почему это тогда так вышло, а он, собственно, всегда понимал то, что понимал я.

Но каковы бы ни были причины моего страха, страх был, и когда он исчез после смерти Андреаса, это стало для меня облегчением. Я не верю в какую-то жизнь после смерти, и то, что Андреас не узнал на земле, он не узнает и на небе — или в преисподней. Наша дружба продолжалась, и если до его смерти она жила в наших мыслях и наших встречах, то после его смерти она продолжала жить уже только в моих мыслях, зато безбоязненно. Смерть Андреаса была не беспокоящей, а успокаивающей. Так почему я должен был расставаться с ним?

Нет, наша дружба продолжала жить не только в моих мыслях. Я увидел Лену, дочь Андреаса, вскоре после ее рождения, видел, как она растет, любил ее. Она всегда была участницей наших встреч — и когда я после ранней смерти Паулы, жены Андреаса, заходил навестить его, Лену и Томаса, и когда он наведывался из своей Баварии сюда, в Берлин, где осталась жить Лена. Мы с Андреасом шли гулять и потом ужинали уже вместе с ней, или мы шли гулять вместе с ней, а потом оставались вдвоем с Андреасом. После смерти Андреаса мы с Леной иногда договаривались поужинать вместе, или сходить на концерт, или погулять; поначалу это я звонил ей, но вскоре и она стала мне звонить. И когда мы встречались, при этом всегда чуть-чуть присутствовал и Андреас, и наша дружба продолжала жить. Безбоязненно, невинно, безопасно.

До тех пор пока Лене не пришла в голову мысль получить через уполномоченного по архивам Министерства госбезопасности ГДР доступ к делу Андреаса. Я пытался ее отговорить.

Разве не читали мы о том, как там работали эти бывшие сотрудники Штази¹, которым верить нельзя? О недостоверности протоколов, потому что составлявшие их офицеры, желая выглядеть успешными, на бумаге заставляли шпииков и подследственных говорить и делать вещи, которых те не говорили и не делали? О судебных процессах и обвинениях, которые ужесточались после ознакомления с этими делами и ни к чему не приводили, кроме разрушения человеческих отношений? Но главное: разве Андреас не смог бы сам посмотреть свое дело, если б он этого хотел, и разве не должна она уважать его желание?

Но мои вопросы и мои просьбы только укрепляли ее в решении. Своеобразная вещь — эта нынешняя страсть быть жертвой былых гонений. Словно это какой-то почетный титул, удостоверение какого-то подвига. Когда больше ничего не добился, хочется быть хотя бы жертвой. Кто был жертвой, с тем поступили плохо, а следовательно, сам он ничего плохого сделать не мог. Кто был жертвой, перед тем остальные виноваты, а сам он должен быть неповинен. Лена не многого добилась в жизни. И если сама она жертвой быть не может, ей хочется быть хотя бы дочерью жертвы. «Мой отец за свои политические убеждения был брошен в тюрь-

¹ *Штази* — сокращенное название Министерства государственной безопасности ГДР (нем. Ministerium für Staatssicherheit). — *Примеч. ред.*

му, и хотя потом он мог снова работать математиком, но за ним все время следили» — это хорошо звучит.

Я успокаивал себя тем, что получить дело Андреаса ей будет невозможно. К делам умерших лиц доступа, как правило, не дают. Дети умерших в порядке исключения могут получить дела, но только если убедительно докажут, что с помощью этих дел хотят пролить свет на события прошлого или деяния режима ГДР. Для этого должен быть правдоподобно заявлен обоснованный интерес. Ну и что Лена может заявить?

Андреас был математиком, как и я. После возведения Стены он предпринял попытку побега, был схвачен и приговорен, но впоследствии, проведя четыре года в тюрьме и год на фабрике, устроился в Академию наук. Он был гениальный математик, от таких не отказываются. Мы оба в шестидесятые годы были молодыми звездами кибернетики и информатики ГДР; своими исследованиями и наработками в этой области ГДР обязана нам. После своей попытки побега Андреас не мог возглавить новосозданный Институт кибернетики, это пришлось сделать мне. Но когда он появился в институте, я его во многих отношениях продвигал, а те ведущие позиции, которые оставались для него закрыты, ему, я думаю, и не подходили. За годы, проведенные в тюрьме и на фабрике, он стал тихим, у него уже не было прежних

организационных и творческих прожектов, он хотел спокойно заниматься своими исследованиями. Они были превосходны; статьи, публиковавшиеся в ГДР обычно как труды группы авторов, а в нашем институте — под его и моим именем, принесли институту определенную известность даже и за рубежом.

На какие события прошлого или деяния режима ГДР может пролить свет Лена с помощью дела Андреаса? Какой обоснованный интерес к нему она может заявить?

И действительно, ее запрос на доступ к делу был отклонен. Но она не сдалась. Она, как и многие из ее поколения, изучала историю и философию и — тоже как многие из ее поколения, особенно из Восточной Германии, — перебивалась случайными контрактами: полставки на полгода здесь, четверть ставки на четверть года там; ее это не устраивало. Она хотела иметь собственный исследовательский проект. Исследовательский проект в области истории науки, посвященный зарождению кибернетики и информатики в ГДР, в рамках которого она в то же время могла добраться и до дела ее отца. Вместе с одним коллегой, бездарным математиком, но одаренным очковитирателем, она подала в какой-то фонд заявку на грант. В проекте предполагалось, в частности — и в особенности, исследовать политическую функцию кибернетики и информатики в ГДР и политические взгляды основоположников направле-

Искусственный интеллект

ния посредством как бесед с основоположниками здравствующими, особенно со мной, так и изучения дел основоположников умерших. Еще до подачи заявки в фонд Лена корректно и вежливо спросила меня, согласен ли я на беседы, если проект будет одобрен, и может ли она указать меня в заявке.

Мы заключили сделку. Я обещал свое сотрудничество на том условии, что она из уважения к Андреасу откажется от ознакомления с его делом. Она поупрямилась, но в конце концов согласилась. Интервью со мной обещало больше откровений, чем дело Андреаса.

Я был рад. Я спас Андреаса и мою дружбу. Ничто не омрачит воспоминаний о ней. И то, что я сделал, останется тем, чем было: понятным и простительным маленьким неверным шагом в обход нашей дружбы.

Да и что, собственно, я сделал? Андреас не стал бы на Западе счастливым. Он был задушевный, заботливый, домашний человек, созданный для глухой гэдээровской жизни, в которой имеют значение не блеск и деньги, а семья и друзья, квартира и дача, смелая книга и необычный фильм, вечер в театре и концерт. И — Паула! Они познакомились незадолго до его попытки побега, и я тогда еще не понимал, что они созданы друг для друга, но это было так. Они поженились через несколько недель после его выхода из тюрьмы, и у них были са-

Искусственный интеллект

мые сердечные, самые радостные семейные отношения, какие я видал. Никогда не забуду их свадьбы. Сияющий летний воскресный день, родители, озабоченные поспешной женитьбой и необеспеченным будущим, брюки с заклепками и пышные юбки веселых студентов — друзей и подруг Паулы (некоторые из них — с маленькими детьми), двое степенных фабричных коллег Андреаса в темных костюмах, их жены во всем великолепии блондинистых начесов, сладкое шампанское «Красная Шапочка», а после него пиво к русскому салату с сосисками — все соответствовало нам, примирившимся с нашей жизнью и нашей страной. Я был свидетелем.

Нет, Андреас не стал бы на Западе счастливым, и то, что побег сорвался, было для него благословением. Естественно, было бы лучше, если бы он сам от него отказался. Он говорил на суде, что от побега отказался и подготовку к нему прекратил, только следы ее не успел устранить. Но в его дневнике, найденном полицией, было много о стремлении к побегу и о подготовке к нему, а о прекращении — ничего, и суд ему не поверил. Не помогло ему на суде и то, что в свете предстоящего учреждения института и возможного назначения его руководителем Андреаса у него были все основания остаться. Он об этом не знал. Я тоже не должен был об этом знать, а узнал только потому, что моя подруга была секретаршей президента академии. Не хочу об этом рассусоливать. Было бы

Бернхард Шлинк

лучше, если бы побег сорвался без моего участия. Если бы кто-то другой донес в полицию о том, что он в своем гараже построил скутер для побега через Балтику. Я сделал это анонимно, и Андреас меня не подозревал, потому что о подводном скутере я узнал лишь по воле случая, из-за которого о нем могли узнать и другие: электрический замок гаражной двери сгорел в грозу, и гараж полдня стоял открытый.

Я не знаю, действительно ли он хотел остаться в ГДР. Когда я его об этом спросил, все было уже в прошлом, и он только пожал плечами: «Какое это сейчас имеет значение». Я ввел в расклад полицию потому, что хотел удержать его, ради него же самого, ну и потому, что не хотел потерять друга. Я посещал его в тюрьме так часто, как мог, я защищал его в институте, насколько мог. Он своевольничал, и, когда в институте им бывали недовольны, я его прикрывал. И я полагаю, если я и согрешил против него, то я это с лихвой загладил.

Я даже не знаю, фигурирую ли я в его деле. Как коллега — разумеется, а если к нему подсаживали «наседку», то он сообщил и обо мне, и о нашей дружбе. Но мне никогда не давали понять, что я опознан в качестве анонимного доносителя. Может быть, мне вообще нечего бояться того, что Лена заглянет в дело. Если только при назначении меня директором института партсекретарь не распинался о моей самым убедительным образом доказанной надежности в классовой борьбе.

Содержание

Искусственный интеллект	5
Пикник с Анной.....	37
Музыка брата и сестры	67
Амулет	129
Возлюбленная дочь.....	155
Лето на острове	201
Даниэль, брат мой.....	231
Солнечные пятна.....	271
Годовщина.....	301

Литературно-художественное издание

БЕРНХАРД ШЛИНК

ЦВЕТА РАССТАВАНИЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник

Редактор Ирина Стефанович

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Ольга Попова, Ирина Киселева

Подписано в печать 25.01.2021. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 14.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-SMN-27457-01-R